

Казенные повинности поместных земель Ростовского уезда в XVII в. (по документам коллекции Костюриных)

Е. С. Бутрин

Костюрины — старинный ростовский дворянский род. В ростовской десятне 2 марта 1631 г. отмечены дворовые дети боярские Михаил, Иван и Тихомир Александровичи Костюрины. Все они получили «государево жалованье» по первой статье — 25 руб. Согласно десятне января-марта 1634 г. дворовой сын боярский М. А. Костюрин поместья «за собою в Ростове сказал» 93 четв. с третником, а И. А. и И. А. Костюрины определили размер своих поместий в 104 четв. с третником¹. По писцовым книгам Ростовского уезда 1629–1631 гг. кн. А. Н. Звенигородского, за Михаилом Александровичем значилось старое отцовское поместье в Верхоусецком стану — жеребей с. Деревенек (помещичий двор) и д. Дорожаево (7 дворов, 14 чел.). За Иваном и Тихомиром значилось общее поместье, выделенное им ростовским городовым приказчиком в 1614/15 г. В оставшейся части с. Деревенек имелся помещичий, крестьянский и три бобыльских двора (8 чел.). К селу прилегалo 4 деревни: Петровская, Ребинкино, Марьинская и Болдырица (18 дворов, 20 чел.)². Поместье Михаила по писцовым книгам Звенигородского было положено в осьмину пашни, Ивана и Тихомира — в четверть с полуосьминой. Согласно переписной книге 1646 г., за Т. А. Костюриным в вотчине значилось полдеревни Мартемьянова (5 дворов, 16 чел.), а в поместье — треть с. Деревенек (3 двора, 9 чел.). К селу примыкали дд. Петровская и Болдырицы (15 дворов, 40 чел.). Еще одной третью села владела вдова М. А. Костюрина Ирина с сыном Семеном — 2 двора (5 чел.). К ней отошла д. Дорожаево — 9 дворов (31 чел.). Последней третью Деревенек владел И. А. Костюрин (3 двора, 9 чел.). В принадлежавших ему двух деревнях (Марьинской и Ребинкиной) имелось 13 дворов (31 чел.)³.

Документы Костюриных отложились в составе собрания известного иваново-вознесенского фабриканта и общественного деятеля

¹ Кадик В. А. Ростовские десятни 1631 и 1634 гг. // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 89–141.

² Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 гг. / сост. В. А. Кадик. М., 2012. С. 635–638.

³ Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1646 г. / сост. В. А. Кадик. М., 2014. С. 188, 262, 296, 297.

ля — Я. П. Гарелина. В Московский Публичный и Румянцевский музей значительная часть его коллекции актов поступила в два приема в 1886 и 1888 гг.⁴ Но весьма объемная часть собрания Я. П. Гарелина после смерти фабриканта 31 октября 1890 г. долгое время размещалась в архиве городской управы⁵. В составе ее документов она уже в июле 1919 г. попала в организующийся Иваново-Вознесенский губернский архив⁶. В этом собрании выделяется архив шуйской земской и воеводской избы XVII в., а также целый ряд «вотчинных архивов». Одним из таких архивов являлось собрание документов ростовских помещиков Костюриных. Большая часть аналогичных собраний содержала разрозненные акты весьма пестрого состава. Но выявляется и несколько «архивчиков», состоящих преимущественно из «отписей» (квитанций) в приеме государственных налогов. Самый значительный подобный комплекс представляют собой документы Костюриных — 108 отписей в приеме налоговых сборов.

Эти документы фиксируют прием 198 различных платежей в промежутке от 18 февраля 1617 г. до 20 февраля 1695 г. Однородное происхождение всей этой серии актов удостоверяется не только их содержанием, но и пометами: все документы имеют выполненную одним и тем же почерком запись на обороте: «Костюрина». В эту серию входит и один акт, не принадлежащий к собранию Я. П. Гарелина — отпись от 21 декабря 1667 г. отложилась в РГАДА⁷. В комплексе имеется единственное исключение — сказка Т. А. Костюрина от 11 марта 1659 г. «по грамоте из государева стану из Вязмы» и наказной памяти воеводы кн. Б. И. Бабичева о количестве дворов за ним в Ростовском уезде⁸. Серии квитанций в приеме различных денежных сборов являются органичной частью многих вотчинных архивов⁹. Но вследствие фрагментарности видового состава и хронологической неполноты они редко подвергались самостоятельному анализу. Наиболее последовательным является опыт А. С. Лаппо-Данилевского, который пользовался ими для выяснения вопросов о роли «сборных» целовальников, объеме полномочий местных властей при контроле над сборами, сроках

⁴ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1886—1888 гг. М., 1889. С. 1—2. Ныне: Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 67. 2873 ед. хр.

⁵ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2435. Л. 34, 47—47 об.

⁶ Там же. Ф. 324. Оп. 1, 2. 1415 ед. хр.

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 159. Оп. 4. Д. 5. Л. 1—1 об.

⁸ ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 109. Л. 1—1 об.

⁹ См., напр.: Подробная опись рукописям начала XVII до начала XIX столетий «Долматовского архива» (Головцынского и Куломзинского родов) с приложениями / сост. И. Д. Преображенский, Н. А. Альбицкий. СПб., 1895. С. 79—139.

их поступления¹⁰. Темой нашей работы будет исследование состава, объема и особенностей взимания казенных и местных налогов с поместных земель Ростовского уезда в XVII в.

Налоговые сборы с костюринских поместий и вотчин в Ростовском уезде можно разделить на три группы: регулярные, экстренные и местные. К первой группе относится большая и малая ямщина, стрелецкий хлеб и полоняничные деньги. Во вторую входят как действительно разовые поборы («на государевы лошади», «в даточных людей»), так и неоднократно повторявшиеся сборы («на казачий корм», «ратным людям на корм», «в можжевеловые ягоды»). Наконец, местные сборы подразделяются на воеводские («в избной расход», на жалование целовальникам и «в подмогу» сторожам, на строительство съезжей избы и воеводского двора) и губные (налоги на содержание губной избы, целовальников и сторожей при ней). Можно отметить и местный экстренный сбор (на строительство «опальной тюрьмы»).

Прежде всего, остановимся на четвертном окладе поместья, с которого платились налоги. Согласно актам 1617–1620 гг., налоги взимались с поместья вдовы Александра Костюрина Марии с детьми Михаилом, Иваном и Тихомиром — «осьмины пашни» по новому дозору Андрея Коробьина 1617 г.¹¹ (хотя, согласно писцовым книгам кн. А. Н. Звенигородского поместье младшим Костюриным было отделено уже в 1614/15 г.). Начиная с 1624 г. налоги с общего поместья взимались с «живущих» 2 четвертей с полуосьминой пашни (по дозорным книгам С. А. Бартенева 1620/21 г.)¹². Владельцами его именуется либо вдова Марфа с сыновьями, либо старший из них — Михаил Александрович — «з братьею». Согласно писцовым книгам 1627–1630 гг., с поместного жеребья М. А. Костюрина налоги должны были платиться с осьмины пашни, а с жеребья И. А. и Т. А. Костюриных — с четверти с полуосьминой. Но такая раскладка налога появляется в наших актах лишь с 1638 г., тогда как по «старым» платежным книгам Ивану и Тихомиру принадлежали две трети поместья (1,5 четв.), а еще одна треть (три полуосьмины) — Михаилу. После исчезновения из числа плательщиков «вдовы Марфы з детьми» (последний подобный акт датируется 18 января 1637 г.), в отписях фигурируют платежи только с поместий двух братьев — Ивана и Тихомира.

Наиболее ранней из записей о приеме местных сборов является квитанция от 28 декабря 1624 г., согласно которой Т. А. Костюрин уплатил 9 ден. «в избной расход» с поместья его матери Марьи

¹⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 326–335.

¹¹ Один из «особных» ростовских дозоров 1612–1618 гг.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 624.

¹² Писцовые книги Восточного Замосковья / сост. М. Ю. Зенченко, Н. П. Воскобойникова, Г. А. Иванова, В. А. Кадик, А. В. Маштафаров. М., 2007. С. 227.

с братьями¹³. Аналогичная сумма была уплачена им в тот же день «подьячим в государево жалованье»¹⁴. В квитанции от 7 ноября 1627 г. сборы «в избный росход» и «подьячому в государево годовое жалование» были объединены. На сей раз была обозначена не общая сумма, а лишь раскладка сбора — 8 ден. с четверти. С учетом того, что размер поместья Костюриных составлял 2 четв. с полуосьминой, общий размер этого сбора как раз и должен был равняться 18 ден. Как удостоверяют акты 1624 г., эта сумма делилась поровну между избой и подьячими. В дальнейшем этот сбор имеет полное наименование только в отписи от 12 декабря 1630 г. В остальных актах его название сокращается до налога «в жалованье подьячим и сторожу на подмогу»¹⁵. Полная сумма налога (18 ден.) обозначена в отписях от 6 октября 1629 г., 12 января 1629 г. и ноября 1633 г.¹⁶

С 1638 г. применялся оклад по писцовым книгам 1627–1630 гг., согласно которым Иван и Тихомир должны были платить налог с четверти с полуосьминой. В то же время по «старым книгам» оклад с их двух третей поместья составлял 1,5 четверти. В результате этой путаницы в 1640 г. были применены обе системы сбора: 8 ноября 1640 г. с костюринского поместья «в съезжую избу в свечи и бумагу и в дрова» были приняты 10 ден. (с четверти с полуосьминой), и одновременно — сбор «подьячим в жалованье и сторожу на подмогу» с 1,5 четв. в размере 12 ден. (следовательно, оклад в обоих сборах применялся одинаковый — 8 ден. с четв.). В следующем году (18 ноября 1641 г.) с поместья Костюриных в этот же сбор «по старым книгам» было принято 9 ден. На сей раз размер поместья определен в четверть с четвериком, что составляло половину общего поместья Костюриных по книгам С. А. Бартенева (2 четв. с полуосьминой). Упоминание этого оклада ведет к предположению, что в некий момент времени братья вносили платежи за свои доли в равном размере: половину — старший брат Михаил, половину — Иван и Тихомир. Затем была введена новая раскладка, по которой треть уплачивал старший брат и две трети — младшие. Но в одной из платежных книг старая раскладка сохранилась и была использована при взимании сбора в 1641 г. В дальнейшем при взимании этого сбора применялся то оклад по книгам С. А. Бартенева, то по книгам кн. А. Н. Звенигородского. 27 ноября 1657 г. сбор «подьячим в жалованье и сторожу на подмогу» был получен за два года с 1,5 четвертей «по старым книгам» (по 12 ден. за год). Аналогичная сумма был уплачена в этот сбор также 4 декабря 1658 г. А вот отписи от 10 ноября 1650 г.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 35. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 36. Л. 1.

¹⁵ Акты от 12 января 1629 г., 6 октября 1629 г., 20 декабря 1631 г., 10 января 1633 г., ноября 1633 г.

¹⁶ Последняя даты не имеет, датирована предположительно по времени воеводства в Ростове П. И. Мусорского: *Рабинович М. Г.* Петр Иванович Мусорский: страницы биографии // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 382.

и 9 января 1655 г. свидетельствуют о приеме в данный сбор 10 ден. (что соответствовало окладу в четверть с полуосьминой, введенному по книгам А. Н. Звенигородского).

Таким образом, оклад сбора зависел от использовавшейся при его взимании платежной книги, которая далеко не всегда относилась к предыдущему году. В результате могли возникать старые оклады сборов, отмененные несколько десятилетий назад. А невысокая сумма оклада способствовала отсутствию требований о перерасчете. Учитывая наличие сведений о параллельном приеме «избного сбора» и налога «в жалованье подьячим» 8 ноября 1640 г., логично предположить, что с этого момента сборы расходятся (один взимается с 1,5 четв., второй — с четверти с полуосьминой). Однако отсутствие сведений о дублировании сборов в один год на протяжении почти четверти века, скорее, свидетельствует о наличии одного сбора, взимавшегося по одинаковому окладу (8 ден. с четв.), но и использованием разных кадастровых документов. А параллельное получение этого сбора в 1640 г. по разным кадастрам демонстрирует лишь путаницу, возникшую после введения в действие нового оклада по писцовым книгам кн. А. Н. Звенигородского.

А вот подьячие и сторожа получали сборы по особым окладам. Имеются сведения о приме 26 октября 1646 г. с костюринского поместья 16 ден. «в жалованье подьячим» и 17 января 1662 г. — сбора «сторожу в подмогу» по окладу 6 ден. с четв.¹⁷ В обоих случаях оклад никоим образом не совпадает с традиционным окладом «избного» сбора (8 ден. с четв.). На отделение сборов на жалование служащим земской избы указывает и появление еще одного сбора — в подмогу «городовому целовальнику». Его адресат имеет разные наименования: «городовых запасов целовальник» (4 акта)¹⁸, «городовых крепостей целовальник» (4 акта)¹⁹, и просто «городовой целовальник» (2 акта)²⁰. В одном случае получатель даже персонифицирован — сбор предназначался «городовых крепостей целовальнику Поснику Борису» (18 декабря 1639 г.). Появление единственного персонального обозначения целовальника в наиболее раннем документе ведет к предположению, что именно в этот момент данный сбор был впервые введен в Ростовском уезде. Он взимался по одной раскладке — 8 ден. с четв. (она упоминается в двух актах)²¹, которая применительно к костюринскому поместью (четверть с полуосьминой) составляла 10 ден. (эта сумма называется в 8 актах). Никакого отношения к сбору на жалование подьячим «и сторожу в подмогу» он не имел — эти сборы параллельно зафиксированы в 4 актах²².

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 36. Л. 4; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

¹⁸ Акты от 10 ноября 1650 г., 15 декабря 1651 г., 27 ноября 1657 г., ноября 1659 г.

¹⁹ Акты от 18 декабря 1639 г., 9 января 1655 г., 29 ноября 1656 г., 4 декабря 1658 г.

²⁰ Акты от 17 января 1662 г., 23 ноября 1666 г.

²¹ Акты от 18 декабря 1639 г. и 17 января 1662 г.

²² Акты от 10 ноября 1650 г., 9 января 1655 г., 27 ноября 1657 г., 4 декабря 1658 г.; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46. Л. 1; Там же. Д. 115. Л. 1; Там же. Д. 131. Л. 1; Там же. Оп. 2.

Перейдем к губным сборам. В отличие от других местных сборов, «конвоем» к которым выступали платежи ямских денег и стрелецкого хлеба, они обычно фиксировались отдельными актами. Наиболее ранний из них датируется 26 октября 1646 г. — в этот день губной староста Иван Данцев принял с костюринского поместья «в губной во всякой расход» на два года 30 ден., а губные целовальники 1645/46 г. — Первый Максимов Батраков и 1646/47 г. — Григорий Максимов — аналогичную сумму «годовой губной подмоги»²³. Следующий акт датируется 29 ноября 1656 г. — на сей раз деньги в губной расход принял по приказу воеводы Г. Ф. Лугвенева губной дьячок Трофим Зыков (по 6 ден. с четв.), а губной целовальник Гришка Максимов и тюремный сторож получили подмоги 12 ден. с четв.²⁴ Из оставшихся 11 актов о приме губных денег,²⁵ 6 относится к отписям второго типа (принимавшим лицом в них выступал губной дьячок),²⁶ и 4 — к документам первого типа (здесь в качестве приемщика выступал сам губной староста или воевода)²⁷. Отдельно выделяется отпись о приеме 1 января 1678 г. подможных денег целовальниками Данилом Горбуновым «с товарищи», получившими с поместья Костюриных 85 коп.²⁸ В отписях первого типа прием подможных денег губными целовальниками и сторожами всегда санкционировался отдельным актом, адресатом его выступали непосредственно получатели. Отписи подобного типа заверялись рукоприкладством (в акте от 26 октября 1646 г. оно отсутствует, поскольку документ написан губным дьячком Трофимом Зыковым). Отпись от декабря 1668 г. заверена одним из губных целовальников Богданом Ивановым, от декабря 1671 г. — Антоном Лукиным, от декабря 1672 г. — Трифоном Ключаревым, от 17 декабря 1673 г. — «безместным попом» Федором Климантовым, от 1 января 1678 г. — Иваном Матфеевым.

По этим документам можно установить срок пребывания на посту губных старост и дьячков: в актах от 27 ноября 1657 г., 4 декабря 1658 г. и ноября 1659 г. фигурируют воеводы (в первом случае — Г. Ф. Лугвенева, в двух других — А. П. Бундов). Затем появляется губной староста В. З. Озеров — он принимал губные налоги четырежды с 29 февраля 1663 г. по декабрь 1668 г. Староста И. Д. Коптяжин четырежды принял губные платежи с декабря 1671 г. по 23 ноября 1675 г. В трех случаях он действовал вместе с воевода-

Д. 63. Л. 1; Там же. Д. 71. Л. 1; Там же. Д. 74. Л. 1; Там же. Д. 95. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 34. Л. 2; Там же. Д. 35. Л. 6, 7, 8, 9; Там же. Д. 36. Л. 4, 6, 8; Там же. Д. 38. Л. 2, 3, 5, 6, 8, 9; Там же. Д. 43. Л. 1.

²³ ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 66. Л. 1.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 41. Л. 1–2.

²⁵ ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 123. Л. 1; Там же. Оп. 2. Д. 123. Л. 1; РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. Д. 5. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 41. Л. 3–10.

²⁶ Акты от 27 ноября 1657 г., 4 декабря 1658 г., 29 февраля 1663 г., 16 марта 1667 г., 21 декабря 1667 г., 23 ноября 1675 г.

²⁷ Акты от декабря 1668 г., декабря 1671 г., декабря 1672 г., 17 декабря 1673 г.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 49. Л. 1.

ми — в 1672 и 1673 гг. с А. Ю. Бестужевым и в 1675 г. — с Б. И. Сухаревым. Хорошо известна практика замены воевод во время их отсутствия губными старостами, но в декабре 1671 г. Коптяжин не заменял воеводу в Ростове²⁹. Следовательно, именно со следующего 1672 г. была введена практика совместного приема губных сборов. С другой стороны, некоторые акты фиксируют случаи исполнения губными старостами административных полномочий воевод во время отсутствия последних на месте. В частности, губной староста В. З. Озеров принял с поместья Костюриных ямские деньги 30 ноября 1668 г.,³⁰ а 17 января 1662 г. он же принял большую и малую ямшину и «положняничные деньги»³¹. Что касается губных дьячков, то Трофим Зыков фигурирует в актах 1646, 1656, 1657 и 1658 гг. В отписи от ноября 1659 г. его меняет Мишка Кириллов. Затем в целом ряде актов фигурирует губной подьячий Алексей Матфеев — он принимал губные сборы с февраля 1663 г. по декабрь 1667 г. После длительного отсутствия (в документах 1668–1673 гг.) Матфеев в прежней должности возникает вновь в отписи 1675 г. Губных целовальников при приеме подмоги представлял их староста: в 1656 г. — Григорий Максимов, 1659 г. — Василий Иванов, в 1668 г. — Андрей Федотов, в 1671 и 1672 гг. — Оношка Богданов, в 1673 — Иван Сергеев, в 1678 г. — Данило Горбунов.

Остановимся на объеме губных сборов. Согласно акту 1646 г. сборы «во всякой губной расход» и в подмогу целовальникам были одинаковы (оклад с четверти — 12 ден.). Но уже в 1656 г. сборы расходятся: губной снижается до 6 ден. с четв., а «подможный» остается на прежнем уровне (но получает его получает уже не один, а два человека: целовальник вместе со сторожем). Аналогичные сборы сохраняются на протяжении следующих трех лет. Согласно акту от 29 февраля 1663 г. «губной» сбор за два предшествующих года составил также по 6 ден. с четв., зато на настоящий год — сразу 50 ден. с четв. Сторож и целовальник получили «подмогу» на два предыдущих года по окладу 8 ден. с четв., в отчетном же году «подмога» целовальнику и сторожу разделилась, составив 50 ден. для первого и 26 ден. для второго. Судя по всему, некоторая часть сбора была уплачена медными деньгами, поскольку согласно акту от 21 декабря 1667 г., на 1662/63 и 1663/64 гг. «за медные» деньги в подмогу целовальникам были уплачены по 4 ден. на год, а за губной сбор — по 2 ден. на год. Таким образом, предполагалось, что «подмога» в два раза превышает губной сбор (хотя в действительности в 1662/63 г. это было не совсем так). Согласно тому же акту, в 1664/65 и 1665/66 гг. раскладка изменилась, составив 18 ден. с четв. «на всякие расходы» и 120 ден. — целовальникам на подмогу.

В следующем акте вычислить четвертную раскладку губного сбора оказывается невозможным: как уплаченная с костюринского поместья 16 марта 1667 г. сумма «на всякие губные расходы» (22 ден.), так и «под-

²⁹ Там же. Д. 39. Л. 14.

³⁰ Там же. Д. 38. Л. 10.

³¹ ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

можные сборы» четверым целовальникам (168 ден.) и двоим сторожам (88 ден.) не привязываются к четвертному окладу поместья. В этом же акте впервые «сторожевой» сбор отделяется от «целовальнического», хотя количественно они не отличались — по 42 ден. на человека в год. Согласно отписи от декабря 1668 г. «губной сбор» сохранился на прежнем уровне (18 ден. с четв.), а вот «подможный» возрос до 1 руб. в год целовальникам (получил Андрюшка Федотов) и сторожам (получил Андрюшка Кононов). В декабре 1671 г. губной оклад «во всякой росход» с костюринского поместья составил 8 ден. с четв., а «подмога» целовальникам — 134 ден. В актах от декабря 1672 г., 17 декабря 1673 г. и 23 ноября 1675 г. сбор «во всякий росход» остался прежним, а губные целовальники получали подмоги 150 ден. (1672 г.), 171 ден. (1673 г.) и 170 ден. (1 января 1678 г.). Обращает на себя внимание невозможность вычисления четвертной раскладки с «подможных» сборов начиная с 1667 г. Но ведь в этом году оказывается невозможным установить ее и для сбора «на всякие расходы». При этом несомненно, что она осталась неизменной с предыдущего года (18 ден. с четв.), просто сумма в 22,5 ден. при сборе была округлена до 22 ден. Несомненно, такому же округлению подвергались суммы «подможного» сбора (например, в том же 1667 г. четвертной оклад этого сбора составил 204 ден. с четверти). Аналогичную ситуацию наблюдаем и в следующие годы.

Подведем некоторые итоги. Раскладка сбора «на губные расходы», составлявшая в 1646 г. 12 ден. с четв., в 1656–1659 гг. снизилась вдвое — до 6 ден. Резкий скачок происходит в 1662 и 1663 гг. — до 50 ден. с четв. Это явно связано явно с последствиями Медного бунта (таким образом государство стремилось изъять из обращения излишнюю медную монету), вследствие чего в 1667 г. взималась даже некая компенсация за эти годы серебряными деньгами. С 1664 г. четвертной оклад губного сбора снижается до 18 ден. с четв., оставаясь на таком уровне до 1668 г., а в 1671–1675 гг. снижается и вовсе до 8 ден. с четв. Таким образом, колебания этого оклада представляются не слишком серьезными — единственный значительный его скачок был связан с последствиями Медного бунта и увеличением количества губного персонала в Ростове в середине 1660-х гг. Иное дело — «подможный сбор». В 1646 г. он был одинаков с общим «на губные расходы» (12 ден. с четв.), но уже в 1656 и 1659 гг. собирался на двух человек (целовальника и сторожа), так что увеличился вдвое — до 24 ден. с четв. В 1660–1661 гг. сбор снизился в 1,5 раза — до 16 ден. с четв., а в «переломном» 1662 г. — увеличился до 60 ден. Все это время собирался он на сторожа и целовальника, но в 1662 г. целовальник получил вдвое больше. В 1667 г. четвертной «подможный» сбор увеличился до 204 ден. с четв., причем получили его в равных долях 4 целовальника и 2 сторожа. В следующем году он возрос до 320 ден. с четв., а сторожа и целовальники получали его уже поровну. Логично предположить, что численность первых также возросла до 4-х чел. Резкое снижение четвертного сбора произошло в 1671 г. — до 108 ден. с четв. В дальнейшем он повысился, но ненамного (120 ден. — в 1672 г.,

136 ден. — в 1673 и 1677 гг.). Возможно, колебания сбора в эти годы также связаны с изменением числа «целовальников» и сторожей — сначала их общее число снизилось до 3 чел. (1672 г.), затем — повысилось до 4-х (1673, 1677 гг.).

Отдельной статьёй среди местных сборов выделяются «казуальные». Сбор «в опальную тюрьму внов на дело» (8 ден. с четв.) был получен «по государевой грамоте из Разрядного приказа» одновременно с «подмогой» городских крепостей целовальнику Поснику Борисову (18 декабря 1639 г.) Учитывая возникновение «подможного» сбора для целовальника именно в этой отписи, возникает логичное предположение о санкционировании его указом из Разряда одновременно с «тюремным» сбором. Сбор на «строение воевоцкого двора» отмечен единственный раз в отписи от 4 декабря 1658 г. и составлял он 62 ден. с поместья (с четверти — 49,5 ден.). Похожая раскладка (48 ден. с четв.) применялась и при сборе «в съезжую избу в строение за бревна и за гвозди и плотником за дело», полученном с костюринского поместья 23 ноября 1666 г. Наконец, 1 ноября 1670 г. «в строенье съезжей избы и в воеводской двор» с четверти с полуосьминой было принято 125 ден. (по раскладке 100 ден. с четв.). Судя по всему, сборы на строение воеводского двора и съезжей избы (в отличие от тюремного сбора) были регулярными и взимались по раскладке в 48–50 ден. с четв. (в отписи 1670 г. они были объединены вместе)³².

Перейдем к регулярным казенным налогам. Сбор «московским охотникам на подмогу» (позднее получивший наименование «большой ямщины») с поместья вдовы Костюриной первоначально взимали специальные сборщики: 18 февраля 1617 г. он был принят «по государеву наказу» Ф. К. Дуровым, а 6 октября 1617 г. — А. А. Коробьиним. В обоих случаях он взимался с осьмины пашни. Величина суммы в первом акте не оговаривается — Костюрины уплатили «что довелос по розводу» из «сошного оклада» в 350 руб. Согласно второму документу, с осьмины было получено 100 ден. — следовательно, оклад с четверти составлял 1 руб.³³ Изменилось и наименование налога: «московским охотникам на жалование и прогоны» (эта формулировка применяется также в отписях от 7 ноября 1627 г. и 12 февраля 1631 г.). В акте 1617 г. вводится новый оклад костюринского поместья — 2 четв. с полуосьминой. В 1624, 1627 и 1628 гг. с него платилась «большая ямщина» в 263,5 ден. (что при округлении дает 112 ден. с четв.)³⁴. Затем в четырех актах (1629–1632 гг.) четвертная раскладка снижается до 100 ден. с четв.³⁵ После изменения оклада до четверти с полуосьминой с поместья И.А. и Т.А. Костюриных большая ямщина в 1639 г. взималась по окладу

³² НИОР РГБ. Ф. 67. К 21. Д. 38. Л. 1, 9; Там же. Д. 39. Л. 13; Там же. Д. 43. Л. 1.

³³ Там же. Д. 34. Л. 1; Там же. Д. 35. Л. 1.

³⁴ Акты от 28 декабря 1624 г., 7 ноября 1627 г., 12 января 1629 г.: Там же. Д. 34. Л. 2; Д. 35. Л. 3, 4.

³⁵ Акты от 28 декабря 1629 г., 12 декабря 1630 г., 20 декабря 1631 г., 10 января 1633 г.: Там же. Д. 35. Л. 5–7, 9.

в 133,5 ден. с четв.³⁶, в 1640 г. — 174 ден. с четв.³⁷, в 1641 г. — 172 ден. с четв.³⁸ С 1644 г. сумма приобретает устойчивость — вплоть до 1674 г. раскладка большой ямщины составляла 196 ден. с четв. (акты 1645—1674 гг.)³⁹. При этом в 4-х из 18-ти отписей за эти годы общая сумма дается в округлении: в 1644 г. — 244,5 ден., в 1658 г. — 246 ден., в 1659 г. — 244 ден., в 1668 г. — 247 ден. (в реальности она должна была составлять 245 ден.)⁴⁰. Таким образом, округление применялось как в меньшую, так и в большую сторону. В последний раз прием «большой ямщины» отмечен в отписи от 19 января 1680 г. В качестве окладной единицы на сей раз обозначены дворы: с 18 дворов поместья Т. А. Костюрина с детьми было получено «ямщиком на жалованье» по 10 ден. с двора⁴¹.

Прием «большой ямщины» всегда осуществлялся по «государеву указу и грамоте» из Ямского приказу и указу местного воеводы целовальником «денежного сбору». Дважды функции воеводы исполнили московские чиновники: «ямских денег зборщик» М. В. Скориков (4 ноября 1651 г.) и К. В. Бехметев (15 декабря 1667 г.). В этих отписях дана ссылка не на грамоту, а наказ из Ямского приказа. А вот помогали московским сборщикам обычные выборные целовальники: в первом случае — Богдан Григорьев, во втором — Андрей Герасимов. Еще одно исключение представляет собой отпись от 6 декабря 1657 г., согласно которой деньги за стрелецкий хлеб и большую ямщину принял Н. Ф. Тараканов.

К «большой ямщине» обычно примыкает «малая». Впервые сведения о ней появляются в отписи от 6 октября 1629 г.: «малая ямщина» была уплачена за шесть лет с 1614/15 по 1619/20 гг. в размере 72 ден. (очевидно, в двойном размере ввиду длительной недоимки), а на текущий год — в размере 6 ден. по окладу с 2 четв. с полусосьминой.⁴² Сумма четвертного оклада была так мала, что адекватно разложить ее на малые доли четверти представлялось весьма непростым делом. Раскладка обозначена в семи отписях о платеже налога за 1630—1676 гг. — она составляла 2,5 ден.

³⁶ Акт от 18 декабря 1639 г.: Там же. Д. 38. Л. 1.

³⁷ Акт от 8 ноября 1640 г. (общая сумма — 217,5 ден.): Там же. Л. 2.

³⁸ Акт от 18 ноября 1641 г. (общая сумма — 214,5 ден.): Там же. Л. 3.

³⁹ Четвертная расклада обозначена в отписях от 2 декабря 1645 г., 26 ноября 1648 г., октября 1649 г., 4 ноября 1651 г., 29 ноября 1656 г., 6 ноября 1657 г., 17 января 1662 г. Общая сумма — в отписях от 26 октября 1646 г., 16 ноября 1647 г., 10 ноября 1650 г., 9 января 1655 г., 23 ноября 1666 г., 15 декабря 1667 г., 18 декабря 1673 г., 14 декабря 1674 г.: Там же. Д. 36. Л. 4, 7; Там же. Д. 38. Л. 4—9; Там же. Д. 47. Л. 1, 2; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 115. Л. 1; Там же. Д. 131. Л. 1; Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 1; Там же. Д. 74. Л. 1; Там же. Д. 108. Л. 1.

⁴⁰ Акты от 27 октября 1644 г., 4 декабря 1658 г., ноября 1659 г., 30 ноября 1668 г.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 63. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 36. Л. 8; Там же. Д. 38. Л. 10; Там же. Д. 43. Л. 1.

⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 47. Л. 4.

⁴² ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 35. Л. 8.

с четв.⁴³ Здесь вновь нужно обратиться к практике взимания четвертного сбора по старым плетжным книгам: несмотря на введение нового оклада с костюринского поместья (четверть с полуосьминой) в 1638 г., «малая ямщина» в ряде случаев продолжала взиматься «по старым книгам». Об этом свидетельствуют акты от 27 октября 1644 г.⁴⁴, 29 ноября 1656 г. (за предыдущий год), и 21 ноября 1676 г. (за предыдущий и текущий год) — причем в последнем случае в качестве плательщика и вовсе объявлена давно умершая «вдова Марья Костюрина з детьми». А еще в двух случаях при взимании «малой ямщины» были применены другие «старые книги», предполагавшие уплату с костюринского поместья по окладу в 1,5 четв. По этим книгам применялся и иной четвертной оклад «малой ямщины» — 6 ден. с четв. Первая отпись от 17 января 1662 г. предполагала прием этого платежа за текущий, а также предыдущие 7 лет (начиная с 1654/55 г.)⁴⁵. Судя по всему, в данном случае мы имеем дело с дублированием платежа, поскольку та же «малая ямщина» (но по другому окладу) взималась с поместья Костюриных за 1655/56 г. согласно акту от 29 ноября 1656 г. Наконец, 22 декабря 1668 г. ямские деньги за были получены за предыдущий и текущий год «по старым книгам» с третьей доли (трех полуосьмин) поместья сыновей Ивана Александровича — Семена, Кузьмы и Федора, а также с третьей доли поместья Т. А. Костюрина⁴⁶. В данном случае к поместью применялся оклад в 1,5 четв. (еще одна «третья доля» поместья досталась М. А. Костюрину). Причем оклад с 1,5 четв. поровну распределялся между двумя наследниками поместья — сыновьями Ивана Александровича и Тихомиром Александровичем. Поскольку четвертной оклад в 6 ден. с трудом поддавался дроблению на столь малые доли, он «по округлению» был определен в разных размерах (4 ден. — с поместья наследников Ивана и 3,5 ден. — с поместья Тихомира)⁴⁷. Обычно «малая ямщина» принималась целовальником денежного сбора (5 актов), подьячим съезжей избы по приказу воеводы (3 акта), либо самим воеводой (4 акта).

С 1679 г. малая ямщина взималась вместе с «полоняничными деньгами» с «дворового числа». Впервые полоняничный сбор возникает в отписи от 20 декабря 1651 г., согласно которой за два предыдущих года «полонником на откуп» уплачено было с поместья и вотчины Т. А. Костюрина (22 дворов) по 4 ден. с двора (этот оклад с двора будет оставаться неизменным вплоть до 1679 г.)⁴⁸. В ноябре 1653 г. ямские деньги были уплачены за тот же год

⁴³ Акты от 21 марта 1631 г., 17 августа 1635 г., 16 марта 1636 г., октября 1649 г., 29 ноября 1656 г., 21 ноября 1676 г.: НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 35. Л. 10–12; Там же. Д. 47. Л. 3; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 115. Л. 1; Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.

⁴⁴ ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 63. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 39. Л. 10, 11.

⁴⁷ В обоих случаях он неверен — реальный оклад должен был составить 4,5 ден.

⁴⁸ Там же. Д. 39. Л. 1.

прибывшему из Галицкой четверти М. В. Исканскому. На сей раз в составе поместья Костюрина (с. Деревеньки с деревнями) фигурирует 15 дворов (не учтен «людской» двор), а в составе вотчины (д. Мартьяново) — 6 дворов⁴⁹. За 1654/55 г. деньги «полонеником на откуп» Т. А. Костюриным были уплачены 25 февраля 1656 г., за 1655/56 г. — 17 июля 1656 г., а за 1656/57 и 1657/58 гг. — 28 февраля 1658 г. (во всех случаях — также с 21 двора)⁵⁰. А вот 13 марта 1660 г. Тихомир уплатил за 1659/60 г. полоняничные деньги лишь с поместных 15 дворов с. Деревенек⁵¹. В дальнейшем в отписях фигурирует только это дворовое число — с него полоняничный сбор уплачивался с 17 января 1662 г. по 18 декабря 1673 г.⁵² С поместья И. А. Костюрина сбор уплачивался отдельно. 18 июля 1653 г. «полоняничные деньги» были приняты за предыдущий и текущий год с 20 дворов поместья и вотчины И. А. Костюрина (16-ти дворов в с. Деревеньки и 4-х дворов в сц. Поповке)⁵³. 17 июня 1656 г. деньги «полонеником на откуп» были получены с поместья И. А. Костюрина (с. Деревеньки — 16 дворов) и его же совместного поместья с «падчерицей Лукерьей» в Городецком стане (5 дворов).⁵⁴ 22 декабря 1668 г. они были получены с 24 дворов — поместья Семена, Кузьмы и Федора Ивановичей Костюриных. В отписях от 17 декабря 1672 г., 18 декабря 1673 г., 14 декабря 1674 г. речь также идет о получении сбора с 24-х дворов, но владельцем поместья именуется давно к тому времени скончавшийся И. А. Костюрин⁵⁵.

За исключением единственного отмеченного выше случая со сборщиком из Галицкой четверти, полоняничные деньги также взимались целовальниками по приказу воеводы. С 1679 г. вводится единый «ямский и полоняничный сбор», составлявший 10 ден. с двора. Сохранились исключительно акты об уплате этого налога с поместья Т. А. Костюрина в 18 дворов (по переписным книгам 1679 г.): от 19 января 1682 г. до 7 февраля 1695 г.⁵⁶ Платился этот налог непосредственно в приказе (за 1681/82 г. — в Стрелецком, со следующего года всегда — в Ямском), и взимался приказными дьяками.⁵⁷ Исключения составляют акты о приеме ямских и по-

⁴⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Л. 4–6.

⁵¹ Там же. Л. 7.

⁵² Акты от 17 января 1662 г., 9 марта и 22 декабря 1665 г., 22 декабря 1668 г., 11 января и 1 ноября 1670 г., декабрь 1671 г., 17 декабря 1672 г., 18 декабря 1673 г.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 131. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 39. Л. 8, 9, 11–15.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 39. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 5.

⁵⁵ Там же. Л. 10, 15; Там же. Д. 47. Л. 1, 2.

⁵⁶ Акты от 19 января и 28 декабря 1682 г., 30 декабря 1683 г., 23 декабря 1685 г., 4 декабря 1688 г., 19 декабря 1689 г., 25 декабря 1693 и 7 февраля 1695 г.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 260. Л. 1; Там же. Оп. 2. Д. 168 а. Л. 2; Там же. Д. 169. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 47. Л. 5–9.

⁵⁷ За 1681/82 г. — Леонтий Кондартов, за 1682/83 г. — Григорий Близняков, за 1683/84 г. —

лоняничных денег 4 декабря 1688 г. (сбор уплачен в ростовской приказной избе), а также отписи от 25 декабря 1693 г. и 7 февраля 1695 г. (сбор принят ростовскими приказными подьячими).

Еще одним регулярным казенным сбором являлся «стрелецкий хлеб», сбор за который впервые зафиксирован в отписи от 28 декабря 1624 г., когда с 2 четв. с полусосьминой поместья Т. А. Костюрин уплатил 39,5 ден.⁵⁸ (четвертная раскладка по округлению — 17,5 ден.). Позднее раскладка не слишком изменялась: согласно актам от 7 ноября 1627 г. и 12 января 1629 г. она составила 19 ден. с четв.,⁵⁹ а в 1630—1634 гг. была повышена до 20 ден. с четв.⁶⁰ В 1633 г. деньги в Ростове были приняты целовальником Иваном Караваевым, а в Москву их отвез его товарищ Василий Блоха. Но оказалось, что уплаченная сумма не соответствует уездной раскладке и уже 16 марта 1636 г. с костюринского поместья было уплачено по 7 ден. с четв. «доимочных за стрелецкий хлеб» сбора 1633/34 г.⁶¹ По новым книгам «с четверти с полусосьминой» деньги за стрелецкий хлеб впервые были получены 27 октября 1644 г. (по раскладке 168 ден. с четв.). Она не изменялась вплоть на протяжении целого десятилетия⁶². Более высокая раскладка (225 ден. с четв.) впервые отмечена в отписи от 9 января 1655 г., а в последний раз — в акте от ноября 1659 г.⁶³

В промежутках между денежными сборами за стрелецкий хлеб он уплачивался натурой. Впервые подобный платеж зафиксирован в отписи от 18 января 1635 г., согласно которой в Стрелецкий приказ с 2 четв. с полусосьминой было направлено по четверику ржи и овса с четверти⁶⁴. Поскольку раскладка натурального сбора 1634/35 г. оказалась явно недостаточной, она дважды дополнялась «доимочными» денежными сборами: 5 ден. с четв. были уплачены уже в конце текущего года согласно отписи от 17 августа 1635 г. А 18 января 1637 г. за «доимочной стрелецкой хлеб» сборов 1634/35 и 1635/1636 гг. с костюринского поместья было получе-

Иван Золотухин, за 1685/86 г. — Артамон Афанасьев, за 1689/90 г. — Иван Золотухин.

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 36. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 34. Л. 2; Там же. Д. 35. Л. 4.

⁶⁰ Акты от 12 декабря 1630 г., 20 декабря 1631 г., 10 января 1633 г., ноября 1633 г.: Там же. Д. 35. Л. 6—9.

⁶¹ Акт от 16 марта 1636 г.: Там же. Л. 12.

⁶² Акты от 27 октября 1644 г., 2 декабря 1645 г., 26 октября 1646 г., 16 ноября 1647 г., октября 1649 г., 10 ноября 1650 г., 15 декабря 1651 г.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 63. Л. 1; Там же. Д. 71. Л. 1; Там же. Д. 74. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 36. Л. 3—6.

⁶³ Акты от 9 января 1655 г., 29 ноября 1656 г., 6 декабря 1657 г., 4 декабря 1658 г., ноября 1659 г.: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 115. Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 36. Л. 7, 8; Там же. Д. 38. Л. 8; Там же. Д. 43. Л. 1.

⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 21. Д. 37. Л. 1.

но еще по 4 ден. с четв.⁶⁵ В связи с этим, согласно отписи от 18 января 1637 г., четвертная раскладка сравнительно с предыдущими годами была повышена вдвое — до полуосьмины ржи и овса. Через год она вновь снизилась — до четверика с полполчетвериком (14 января 1639 г.), но получена была уже по «новым книгам» — с четверти с полоуосьминой⁶⁶. Судя по всему, на том же уровне оставалась раскладка и в следующем году: 1 сентября 1640 г. была получена «доимка» за 1639/40 г. — полполчетверика ржи и овса⁶⁷.

В дальнейшем натуральный сбор «стрелецкого хлеба» возвращается лишь через 2 десятилетия. Если прежние сборы принимались целовальниками по грамотам из Стрелецкого приказа и приказу ростовского воеводы, то с начала 1660-х гг. «стрелецкий хлеб» уплачивался непосредственно в «государевы житницы» и принимался приказным человеком и подьячим.⁶⁸ По отписи от 18 марта 1662 г. четвертная раскладка стрелецкого хлеба составила осьмину с четвериком⁶⁹. Уже в следующем году она повышается и составляет по актам 1663–1667 гг. четверть с осьминой и полуосьминой хлеба⁷⁰. Данная раскладка была повышена с 1672 г. — 28 января 1673 г. с костюринского поместья было принято «старого и прибавочного» стрелецкого хлеба 4 четв. с осьминой (соответственно, четвертная раскладка — 3 четв. с осьминой, полчетвериком и полполчетвериком). Аналогичная раскладка встречается в актах от 17 января 1676 г. и 2 января 1677 г.⁷¹ После финансовой реформы 1679 г. «стрелецкий хлеб» взимался с дворового числа (18-ти дворов поместья Т. А. Костюрина). Формуляр отписей вновь несколько изменяется — хлеб уплачивался в «государевы житницы» вовсе без упоминания имени принимавшего, дьяк лишь ставил свою подпись, заверяя текст документа⁷². С 1684 по 1687 гг. стрелецкий хлеб платился по четверику с двора, в 1689–1691 гг. — по 1,5 четверика с двора. А уже согласно акту от 20 февраля 1695 г. с двора взималось 2 четверика хлеба⁷³.

Рассмотрим теперь состав целовальников денежного сбора, прини-

⁶⁵ Там же. Д. 35. Л. 11; Там же. Д. 37. Л. 2.

⁶⁶ Там же. Д. 37. Л. 3.

⁶⁷ Там же. Д. 37. Л. 4.

⁶⁸ 18 марта 1662 г. и 13 февраля 1663 г. — А. А. Молвянинов и подьячий Иван Поликарпов, 1 января 1666 г. и 6 марта 1667 г. — П. А. Ширин с тем же подьячим, 28 января 1673 г. — И. Л. Дивов с подьячим Федором Клоковым, 17 января 1676 г. — В. С. Большой-Сытин с подьячим Василием Ремезовым, 2 января 1677 г. — Сытин с подьячим Герасимом Долговым.

⁶⁹ Там же. Д. 45. Л. 1.

⁷⁰ Акты от 13 февраля 1663 г., 1 января 1666 г. и 6 марта 1667 г.: Там же. Д. 37. Л. 5–7.

⁷¹ Там же. Д. 37. Л. 8–10.

⁷² 21 января 1685 г. — Василий Ремезов, 8 января и 26 декабря 1688 г., 22 декабря 1689 г. — Алексей Ильин, 10 января 1692 г. и 20 февраля 1695 г. — Осип Иванов.

⁷³ Там же. Д. 50. Л. 1–6.

мавших по приказу воевод налоговые платежи с котюринского поместья в ростовской приказной избе. Это были вовсе не земские целовальники, а профессиональные сборщики налогов, ежегодно выбравшиеся (фактически — нанимавшиеся) на эту должность податным населением. Целовальники зачастую действовали в течение нескольких лет — ведь для исполнения этой должности требовался серьезный профессионализм с одной стороны, и высокое доверие податного населения — с другой. О численности их коллегии судить сложно. О самом ее существовании свидетельствуют акты от 26 ноября 1663 г. и 19 марта 1665 г., в которых речь идет о приеме налогов целовальником Андреем Герасимовым «с товарищи». В ряде случаев имеются сведения о работе двух целовальников в течение года: 1624/25 г. (Никита Панкратьев и Филя Стрельцов), 1629/30 г. (Иван Короваев и Первуша Батраков), 1640/41 г. (Первуша Батраков и Дружина Степанов), 1658/58 г. (Иван Григорьев и Федор Еремеев), 1661/62 г. (Андрей Герасимов и Томил Федотов), 1668/69 г. (Андрей Герасимов и Богдан Иванов). В одном случае встречаются сведения о трех целовальниках: 1651/52 г. (Богдан Григорьев, Ермолай Любимов, Парфений Мальгин), а в одном — даже о четырех: 1659/60 г. (Андрей Герасимов, Иван Григорьев, Федор Шибанов, Томил Федотов). По грамоте из Стрелецкого приказа от 25 сентября 1663 г. к стрелецкому сбору на этот год требовалось выбрать из ростовского посада четырех целовальников⁷⁴. Этот документ дает представление об обычной численности коллегии. Что касается ее состава, то в коллегию в большинстве случаев входили проверенные лица, исполнявшие должность на протяжении нескольких лет (иногда до 20 сезонов). В наших отписях имеются сведения о происхождении двух целовальников — Томил Клементьев согласно акту 25 февраля 1656 г. был крестьянином боярыни кн. Ф. В. Сицкой, а Андрей Герасимов в отписи от 19 января 1680 г. значится крестьянином с. Николы-Перевоза вотчины И. Ф. Стрешнева.

Что касается длительности исполнения должности, то «рекордсменом» здесь является тот же Андрей Григорьев, упоминаемый в качестве целовальника на протяжении 17 «сезонов» (1653/54, 1655/56, 1658/59, 1659/60, 1661/62, 1663/64, 1664/65, 1666/67–1674/75, 1679/80 гг.). Дружина Степанов исполнял эти обязанности на протяжении 5 «сезонов» (1640/41, 1645/46, 1646/47, 1648/49, 1650/51 гг.). Сразу четверо (Иван Короваев, Томил Клементьев, Василий Семенов Блоха, Иван Григорьев) — служили в этой должности не менее четырех лет: Короваев — в 1628/29, 1629/30, 1632/33, 1634/35 гг., Клементьев — в 1631/32, 1639/40, 1655/56, 1656/57 гг., Блоха — в 1633/34, 1636/37, 1641/42, 1649/50 гг., Григорьев — в 1647/48, 1654/55, 1657/58, 1659/60 гг. Первый Денисов Батраков и Парфений Мальгин были выборными целовальниками не менее трех лет: Батраков — в 1629/30, 1630/31, 1640/41 гг., Мальгин — в 1651/52, 1666/67, 1672/73 гг.,

⁷⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4. № 174. С. 334–335.

Томил Федотов — два года (1659/60, 1661/62 гг.). Остальные целовальники упоминаются в отписях лишь в течение одного года: Макар Андронов (1627/28 г.), Иев Тихонов (1644/45 г.), Богдан Григорьев и Ермолай Любимов (1651/52 г.), Григорий Иванов (1652/53 г.), Федор Еремеев (1657/58 г.), Федор Шибанов (1659/60 г.), Григорий Андреев (1665/66 г.), Богдан Иванов (1668/69 г.). Как видим, в большинстве случаев должность эта исполнялась неоднократно, причем упоминания определенных лиц в этом качестве могут разделяться двумя десятками лет.

Совсем немногие налоговые сборы принимали подьячие приказной (съезжей) избы. Ими взималась «малая ямщина»: во всех случаях, о которых имеются сведения, она бралась не только на текущий, но и за предыдущий «просроченный» год, чем и обусловлен ее прием именно приказными подьячими — 29 ноября 1659 г. — Степаном Ядренкиным, 22 декабря 1668 г. и 21 ноября 1676 г. — Любимом Никифоровым. Последний также 27 ноября 1657 г. принял сборы себе на жалование, «сторожу в подмогу» и на «городовые запасы», причем первый также — за просроченный предыдущий год. Судя по всему, после финансовой реформы 1679 г. сбор налогов передается в руки приказных подьячих. Сведения о выборном целовальнике в последний раз встречаются в отписи от 19 января 1680 г., а ямские и полоняничные деньги по актам от 4 декабря 1688 г., 26 декабря 1693 г., и 7 февраля 1695 г. принимали подьячие приказной избы — Любим Никифоров и Осип Андронов.

Подводя итоги исследованию серии отписей о приеме налоговых сборов с поместья Костюриных в Верхоусецком стану, можно очертить круг проблем, в решение которых вносят определенную ясность данные этих документов. Прежде всего, описи содержат данные о значительной части представителей приказной и губной администрации Ростова, а также коллегии земских сборщиков. Причем эти данные касаются не только именного состава администрации, но и сроках ее деятельности, а также особенностях функционирования. Данные о сроках приема сборов и их приемщике позволяют также в значительной мере прояснить технологию сбора разных налогов. Большая часть платежей уплачивалась в приказную избу по платежным книгам, небольшая часть отвозилась непосредственно в столицу. Особенности технологии сборов проясняются из целого ряда казусов с получением одного вида налога с того же поместья по разному окладу (даже в ходе одного года). Судя по всему, эта практика являлась следствием использования разных платежных книг (не предыдущего, а более ранних лет), а также была связана со сменой администрации (новый воевода мог инициировать сбор, уже полученный предыдущим). Особенно важные данные для истории системы управления Ростовского уезда содержат отписи о местных налоговых сборах. Номенклатура местных сборов свидетельствует составе приказной и губной администрации, а размер их оклада — о системе оплаты труда городских целовальников и сторожей земской избы, а также губных целовальников и тюремных

сторожей. Здесь нужно отметить две особенности — резкое повышение губного оклада после Медного бунта (июль 1662 г.) с целью изъятия из обращения медной монеты, а также смену системы раскладки на подмогу сторожам и целовальникам с 1667 г. Если до этого она платилась исключительно на лиц, представлявших ту кость, с которой взимались сборы (одного целовальника и сторожа), то с 1667 г. стала взиматься на всю губную коллегию. Но главная ценность коллекции костюринских отписей заключается в возможности в реальном времени наблюдать за ежегодным изменением оклада как казенных, так и местных сборов на протяжении всего XVII в. И эти наблюдения свидетельствуют, что если по некоторым видам налогов оклад практически не повышался, то в большей части случаев — увеличивался весьма значительно.